

УХОД

Независимая газ. — 1993 — 16 июля — с. 7.

Последние дни Ермоловой

Мария Малкина

In memoriam

... НА ДВЕРЬ Малого театра прикрепили лист простого белого ватмана — этот лист сохранился, — на этом листе тушью написано: «12 марта 1928 года скончалась народная артистка республики М. Н. Ермолова».

Републики газеты этого дня сообщили, что агония началась в два часа ночи с одиннадцатого на двенадцатое, а смерть наступила в 7 часов 14 минут. Что больная уже давно не вставала, а в последнюю неделю лечившие ее проф. Павлинов, Нефедов и д-р Фельдман обнаружили у нее воспаление легких. Что у постели Ермоловой бесменно дежурили ее дочь М. Н. Зеленина, А. А. Угрюмова, Т. Л. Щепкина-Куперник, В. В. Федоров (из Малого театра) и другие близкие покойной лица.

С утра двенадцатого парадное было открыто. Если кто захотел бы проститься, мог прийти. Поднявшись по лестнице на третий этаж, на двери увидал бы скромную маленькую картоночку с надписью «М. Н. Ермолова». На звонки отвечал Николай Васильевич, внук Марии Николаевны, он же открывал дверь и проводил в зал, где лежала Ермолова. «Старое, желтое, окаменелое лицо резко выделялось на белой подушке, а из-под белого кружевного чепчика видны были еще не седые, гладко зачесанные и туго натянутые

с улицы. Кто был, передает, что к выносу собрались тысяч десять. Растянувшись от Тверского бульвара до Петровки, эта толпа людей с факелами провожала Ермолову в Малый театр.

Гроб устанавливали в Щепкинском фойе на специально выстроенном помосте, затянутом черным крепом. У гроба лавровые деревья, цветы, венки. «Бессмертному гению сцены Марии Ермоловой», «От М. П. Лилиной и К. С. Станиславского», «...группа Московского театра Сатиры», «От Вл. И. Немировича-Данченко благодарные воспоминания о высоких радостях», от Таирова и Коонен... Театр Революции дал объявление в газете — присоединяются к общей скорби. От мейерхольдовцев ничего, и Самого на похоронах не будет.

Ночь напролет музыканты сменяли друг друга, звучала музыка — любимые лю Бетховен, Чайковский, Шопен, Шуман.

«В последнем карауле перед выносом гроба на площадь стояли народные артисты Вл. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, И. М. Москвин, директор Малого театра В. К. Владимиров, А. А. Яблочкина, А. Л. Вишневский, В. В. Лужский».

Полагали закончить прощание к девяти, но затянули, дали пройти мимо гроба всем собравшимся. Дальнейший ритуал от этого не сбился. Завершается так, как объявлено: «В субботу 17 марта в 9 1/2 часов утра перед Малым театром прибывают организационными порядками, со стороны связанными все театры и учреждения для участия в гражданской панихиде (...). По окончании гражданской па-

театру; перечислены великие содания, подчеркнута: «Мы не знаем, а может быть, не хотим знать других ярких — внешних — фактов жизненной ее биографии».

«Рассказывать биографию Ермоловой — значит называть роли Ермоловой».

«Смерть, прервав нить жизни большой и усталой женщины, осталась бессильна перед ермоловским искусством».

«Трагическая муза Малого театра, она своей покойной завершила историю целой театральной эпохи».

На сцене Ермолова не появлялась уже шесть лет. Зимой 1928 года она была совсем плоха. В середине января приехала из Ленинграда дочь ухаживать за больной, но уход был налажен, и Маргарита Николаевна оказалась свободнее, чем могла ожидать. Маргарита Николаевна каждый день, а иногда дважды в день, пишет письма в Ленинград подруге — Т. Л. Щепкиной-Куперник, у них так заведено.

«Уже три дня я здесь... длинные... скоро прошедшие дни...»

«Мама живет, глупо, под действием сп... хина, но пульс на ощупь сильно ослабел. Я была с ней утром долго».

«У нас холодно, но не очень»

С отпоемием трехэтажного дома на Тверском бульваре сладить непросто. Практически с восемнадцатого года Мария Николаевна живет тут одна. Из устрояния к особым условиям «защиты» дом не национализировали. Но содержать его нет ни средств, ни сил. Печи дымили, но заниматься

Фото конца 1870-х гг.

В сагу. Фото середины 1910-х гг.

назад темные с проседью волосы».

Хлопоты насчет похорон с домашних сняты. В «Вечерке» дали объявление: «По всем вопросам организационного характера просят обращаться к секретарю дирекции Малого театра В. В. Федорову, тел. 1-12-18 или 3-02-15».

Вечером двенадцатого в Малом театре заседал общественный комитет по проведению прощальной церемонии и увековечению памяти Ермоловой. Почетные председатели комитета — гг. Рыков, Семашко и Луначарский, председатель — директор Малого театра Владимир, его заместитель Яблочкина, члены президиума — Платон, Нароков, Постников, Немирович-Данченко, Собинов, Бахрушин, Славинский, Станиславский, Головин, Федоров, Волконский и проф. Грузинский. Принято предложение директора Малого театра о создании памятника великой актрисе. Похороны назначены на 17 марта, прощание — с 12 часов ночи 16 марта до 9 часов утра 17-го в фойе. «В пятницу 16 марта, в 10 часов утра гроб будет перенесен из квартиры покойной в церковь Б. Вознесения (у Никитских ворот)».

А вечером 12-го в Малом играют «Любовь Яровую». Во МХАТе — «Дни Турбиных». Перед началом спектакля Немирович-Данченко выйдет к публике и сообщит о смерти Ермоловой. Все встанут, чтобы почтить память великой артистки.

С Немировичем Мария Николаевна была в давних дружеских отношениях. Давно и договорились, чтоб не стеснялась его тревожить, если что понадобится. Просил он об этом и Федотову, и Лешковскую, когда старик Южин — оперун старых великих артисток — уехал за границу лечиться. Так вышло, что никто из них не успел обременить его просьбами: умерли. И Южин умер.

16 марта служба началась ровно в одиннадцать. «Давно уже угасал единичный жизни нашей дорогой усопшей, со дня на день надо было ждать ее кончины, и тем не менее, когда наконец донеслась до нас весть об этом, тяжелой скорбью сжались наши сердца. Ушел из жизни последний великий гениальный талант старого Малого щепкинского театра, закончился навсегда ермоловско-южинский период его истории», — начал надгробное слово митрополит Трифон на отпевании.

Двери храма во время заупокойной пришлось оставить открытыми. Церковь Б. Вознесения хоть и большая, ампираная, но всех не вместила. Толпа слушала отпевание

нихида процессия в порядке, указанном представителями общественного комитета, следует на кладбище села Владыкино для предания праха земле. Маршрут: Петровка, Каретный ряд, Садовая, Долгоруковская, Бутырская застава, Дмитровское шоссе.

Примечание 1. Ввиду того что расстояние от Малого театра до села Владыкино равно 13 км, гроб с телом М. Н. Ермоловой следует к могиле на автомашине, а потому все театры и учреждения, желающие проводить прах к месту погребения, приглашаются заготовить для себя автомашину, желательно убранные траурно.

Примечание 2. Автомшины, участвующие в процессии, прибывают к Малому театру вместе со своими колоннами.

У могилы траурная процессия размещается по указанию Головина С.А.

Порядок речей у могилы устанавливается представителем общественного комитета В. В. Федоровым (тел. 1-12-18)».

Мария Николаевна твердо хотела лежать по смерти рядом со своими, там, где отец с матерью, где обе сестры (обе младшие), во Владыкине за Петровско-Разумовским. В апреле 1915 года даже взяла два места около могилы своих родителей (второе, по-видимому, для мужа). Мария Николаевна волновалась, что желание это причинит всем беспокойство. А вдруг дождь — каково же это станет шептать по грязи. «Прокаинать меня будут, что заставила сюда тащиться... Хоть бы хорошая погода была».

17-го было сухо и тепло. День был сияющим.

Гражданскую панихиду начал нарком здравоохранения Н. А. Семашко — как представитель правительства. От наркомпроза выступил П. И. Новицкий. За ним председатель ЦК Рабиса Ю. М. Славинский. От дирекции Малого театра — В. К. Владимиров, от труппы — М. Ф. Ленин, А. А. Яблочкина, А. А. Остужев. От Московского Художественного театра — Вл. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов. Еще выступил проф. А. И. Некрасов от имени 1-го МГУ, проф. А. Е. Грузинский от общества любителей Российской общности, от Ленинградских театров — Ю. М. Юрьев, от московских театров — А. Я. Таиров и от драматических кружков московских клубов — С. П. Алексеев.

На панихиде говорил о том, о чем уже писал в дни ее юбилеев, а затем повторяли в некрологах: дочь суфлера, кумир демократической молодежи, вся жизнь отдана

этим не было времени, да и некому.

«Перечитала я несколько маминых писем, и они произвели на меня горестное и захватывающее впечатление ее одиночеством всяческим; и душевным, и фактическим... Письма эти уже семнадцатого года, пятнадцатого так... Читала я их как оставшиеся после того, кого уже нет, и было так больно, так больно».

Она сейчас — относительно — лучше; это создает искусственно строгий... Лицо ее бледнее и сейчас изумительно прекрасно; действительно точно изваяние драгоцельное...»

Их не забывают, к ним ззждют. Посетил Юрьев Юрий Михайлович. Старый друг, но что-то покорило Маргариту Николаевну: «видно было, что я — в числе несносных восьми визитов, записанных на бумажке, к которой надо зйти. Сидел великодушный, отяжелевший... Цедил слова... Все относительно и по обязанности».

«Очень удачный визит» — заходил Бахрушин. «Обедали сельянку с рыбой, пирожки, куриные котлетки с горошком, компот, кофе с печеньем. Было немного водки, икра и рыжики».

Алексей Александрович Бахрушин, преданнейший слуга Ермоловой, прямо-таки молился на нее. Но его приход мог настроить: про этого страстного коллекционера говорили, что он возникает в доме позже священника и чуть раньше гробовщика, если в доме есть что-то, годящееся в собственность театральному музею.

Постоянно приходят врачи. «Смотрели маму... Крамер сказал не очень утешительно и конечно то, что неизбежно. Он считает, что она абсолютно не страдает и уход ее тяжел только для окружающих; сама она чувствует себя даже довольно благодушно, а стоны и вопли заменяют ей слова постольку, поскольку расстроен механизм речи... Сведение руки, которое бывает с ней, все идет от горловых центров. Сделает, конечно, ничего с этим нельзя... Сердце очень хорошо, но прожить она может — он гадает — максимум шесть месяцев. После осмотра мы пошли в комнату Александры Александровны, и там Крамер и Нефедов просидели около двух часов... Случилось это потому, что от мамы перешли к разным возвышенным разговорам... О душе, о вере, о Боге...» Письмо датировано концом января.

Жизни Марии Николаевны оставалось совсем немного...

В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения и 65 лет со дня смерти великой актрисы.